

Андрей Белый

Золото в лазури

Андрей Белый
Золото в лазури

«Public Domain»

1903

Белый А.

Золото в лазури / А. Белый — «Public Domain», 1903

«В золотистой дали облака, как рубины, — облака, как рубины, прошли, как тяжелые, красные льдины. Но зеркальную гладь пелена из туманов закрыла, и душа неземную печать тех огней — сохранила...»

Содержание

Золото в лазури	5
Бальмонту	5
Золотое руно	7
Солнце	9
Вечный зов	10
Три стихотворения	12
Во храме	14
В полях	15
Прежде и теперь	16
Опала	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Андрей Белый

Золото в лазури (сборник)

Посвящаю эту книгу дорогой матери

Золото в лазури

Бальмонту

1

В золотистой дали
облака, как рубины, —
облака, как рубины, прошли,
как тяжелые, красные льдины.
Но зеркальную гладь
пелена из туманов закрыла,
и душа неземную печать
тех огней – сохранила.
И, закрытые тьмой,
горизонтов сомкнулись объятья.
Ты сказал: «Океан голубой
еще с нами, о братья!»
Не бояся луны,
прожигавшей туманные сети,
улыбались – священной весны
все задумчиво грустные дети.
Древний хаос, как встарь,
в душу крался смятеньем неясным.
И луна, как фонарь,
озаряла нас отсветом красным.
Но ты руку воздел к небесам
и тонул в ликовании мира.
И заластился к нам
голубеющий бархат эфира.

Апрель 1903

Москва

2

Огонечки небесных свечей

снова борются с горестным мраком.
И ручей
чуть сверкает серебряным знаком.
О поэт – говори
о неслышном полете столетий.
Голубые восторги твои
ловят дети.
Говори о безумье миров,
завертевшихся в танцах,
о смеющейся грусти веков,
о пьянящих багрянцах.
Говори
о полете столетий:
Голубые восторги твои
чутко слышат притихшие дети.
Говори...

Май 1903

Москва

3

Поэт, – ты не понят людьми.
В глазах не сияет беспечность.
Глаза к небесам подними:
с тобой бирюзовая Вечность.
С тобой, над тобою она,
ласкает, целует беззвучно.
Омыта лазурью, весна
над ухом звенит однозвучно.
С тобой, над тобою она.
Ласкает, целует беззвучно.
Хоть те же всё люди кругом,
ты – вечный, свободный, могучий.
О, смейся и плачь: в голубом,
как бисер, рассыпаны тучи.
Закат догорел полосой,
огонь там для сердца не нужен:
там матовой, узкой каймой
протянута нитка жемчужин.
Там матовой, узкой каймой
протянута нитка жемчужин.

1903

Москва

Золотое руно

Посвящено Э. К. Метнеру

1

Золотея, эфир просветится
и в восторге сгорит.
А над морем садится
ускользающий солнечный щит.
И на море от солнца
золотые дрожат языки.
Всюду отблеск червонца
среди всплесков тоски.
Встали груди утесов
среди трепещущей солнечной ткани.
Солнце село. Рыданий
полон крик альбатросов:
«Дети солнца, вновь холод бесстрастья!
Закатилось оно —
золотое, старинное счастье —
золотое руно!»
Нет сиянья червонца.
Меркнут светочи дня.
Но везде вместо солнца
ослепительный пурпур огня.

*Апрель 1903
Москва*

2

Пожаром склон неба объят...
И вот аргонавты нам в рог отлетаний
трубят...
Внимайте, внимайте...
Довольно страданий!
Броню надевайте
из солнечной ткани!
Зовет за собою
старик аргонавт,
взывает
трубой
золотою:

«За солнцем, за солнцем, свободу любя,
умчимся в эфир
голубой!..»
Старик аргонавт призывает на солнечный пир,
трубя
в золотеющий мир.
Все небо в рубинах.
Шар солнца почил.
Все небо в рубинах
над нами.
На горных вершинах
наш Арго,
наш Арго,
готовясь лететь, золотыми крылами
забил.
Земля отлетает...
Вино
мировое
пылает
пожаром
опять:
то огненным шаром
блистать
выплывает
руно
золотое,
искрясь.
И, блеском объятый,
светило дневное,
что факелом вновь зажжено,
несясь,
настигает
наш Арго крылатый.
Опять настигает
свое золотое
руно...

*Октябрь 1903
Москва*

Солнце

Автору «Будем как Солнце»

Солнцем сердце зажжено.
Солнце – к вечному стремительность.
Солнце – вечное окно
в золотую ослепительность.
Роза в золоте кудрей.
Роза нежно колыхается.
В розах золото лучей
красным жаром разливается.
В сердце бедном много
зла сожжено и перемолото.
Наши души – зеркала,
отражающие золото.

1903

Серебряный Колодезь

Вечный зов

Д. С. Мережковскому

1

Пронизала вершины деревьев
желто-бархатным светом заря.
И звучит этот вечный напев:
«Объявись – зацелую тебя...»
Старина, в пламенеющий час
обуявшая нас мировым, —
старина, окружившая нас,
водопадом летит голубым.
И веков струевой водопад,
вечно грустной спадая волной,
не замает к былому возврат,
навсегда засквозив стариной.
Песнь все ту же поет старина,
душит тем же восторгом нас мир.
Точно выплеснут кубок вина,
напоившего вечным эфир.
Обращенный лицом к старине,
я склонился с мольбою за всех.
Страстно тянутся ветви ко мне
золотых, лучезарных деревьев.
И сквозь вихрь непрерывных веков
что-то снова коснулось меня, —
тот же грустно-задумчивый зов:
«Объявись – зацелую тебя...»

2

Проповедуя скорый конец,
я предстал, словно новый Христос,
возложивши терновый венец,
разукрашенный пламенем роз.
В небе гас золотистый пожар.
Я смеялся фонарным огням.
Запрудив вокруг меня тротуар,
удивленно внимали речам.
Хохотали они надо мной,
над безумно-смешным лжехристом.

Капля крови огнистой слезой
застывала, дрожа над челом.
Гром пролеток, и крики, и стук,
ход бесшумный резиновых шин...
Липкой грязью окаченный вдруг,
побледневший утих арлекин.
Яркогазовым залит лучом,
я поник, зарыдав, как дитя.
Потащили в смирительный дом,
погоняя пинками меня.

3

Я сижу под окном.
Прижимаюсь к решетке, молясь.
В голубом
все застыло, искрясь.
И звучит из дали:
«Я так близко от вас,
мои бедные дети земли,
в золотой, янтаряющий час...»
И под тусклым окном
за решеткой тюрьмы
ей машу колпаком:
«Скоро, скоро увидимся мы...»
С лучезарных крестов
нити золота тешат меня...
Тот же грустно-задумчивый зов:
«Объявись – зацелую тебя...»
Полный радостных мук,
утихает дурак.
Тихо падает на пол из рук
сумасшедший колпак.

Июнь 1903
Серебряный Колодезь

Три стихотворения

1

Все тот же раскинулся свод
над нами лазурно-безмирный,
и тот же на сердце растет
восторг одиночества лирный.
Опять золотое вино
на склоне небес потухает.
И грудь мою слово одно
знакомую грустью сжимает.
Опять заражаюсь мечтой,
печалью восторженно-пьяной...
Вдали горизонт золотой
подернулся дымкой багряной.
Смеюсь – и мой смех серебрист,
и плачу сквозь смех поневоле.
Зачем этот воздух лучист?
Зачем светозарен... до боли?

*Апрель 1902
Москва*

2

Поет облетающий лес
нам голосом старого барда.
У склона воздушных небес
протянута шкура гепарда.
Не веришь, что ясен так день,
что прежнее счастье возможно.
С востока приблизилась тень
тревожно.
Венок возложил я, любя,
из роз – и он вспыхнул огнями.
И вот я смотрю на тебя,
смотрю, зачарованный снами.
И мнится – я этой мечтой
всю бездну восторга измеряю.
Ты скажешь – восторг тот святой?
Не верю!
Поет облегающий лес
нам голосом старого барда.

На склоне воздушных небес
сожженная шкура гепарда.

Апрель 1902

Москва

3

Звон вечерней гудит, уносясь
в вышину. Я молчу, я доволен.
Светозарные волны, искрясь,
зажигают кресты колоколен.
В тучу прячется солнечный диск.
Ярко блещет чуть видный остаток.
Над сверкнувшим крестом дружный визг
белогрудых счастливых касаток.
Пусть туманна огнистая даль —
посмотри, как все чисто над нами.
Пронизал голубую эмаль
огневеющий пурпур снопами.
О, что значат печали мои!
В чистом небе так ясно, так ясно...
Белоснежный кусок кисеи
загорелся мечтой виннокрасной.
Там касатки кричат, уносясь.
Ах, полет их свободен и волен...
Светозарные волны, искрясь,
озаряют кресты колоколен.

1902

Во храме

Толпа, войдя во храм, задумчивей и строже...
Лампад пунцовых блеск и тихий возглас:
«Боже...»
И снова я молюсь, сомненьями томим.
Угодники со стен грозят перстом сухим,
лицо суровое чернеет из киота
да потемневшая с веками позолота.
Забил поток лучей расплавленных в окно...
Все просветилось вдруг, все солнцем зажжено:
И «Свете тихий» с клироса воззвали,
и лики золотом пунцовым заблистали.
Восторгом солнечным зажженный иерей,
повитый ладаном, выходит из дверей.

Июнь 1903
Серебряный Колодезь

В полях

Солнца контур старинный,
золотой, огневой,
апельсинный и винный
над червонной рекой.
От воздушного пьянства
онемела земля.
Золотые пространства,
золотые поля.
Озаренный лучом,
я опускаюсь в овраг.
Чернопыльные комья
замедляют мой шаг.
От всего золотого
к ручейку убегу —
холод ветра ночного
на зелёном лугу.
Солнца контур старинный,
золотой, огневой,
апельсинный и винный
убежал на покой.
Убежал в неизвестность.
Над полями легла,
заливая окрестность,
бледно-синяя мгла.
Жизнь в безвременье мчится
пересохший ключом:
все земное нам снится
утомительным сном.

<1904>

Прежде и теперь

Опала

Посвящается А. А. Блоку

Блестящие ходят персоны,
повсюду фаянс и фарфор,
расписаны нежно плафоны,
музыка приветствует с хор.
А в окнах для взора угодный,
прилежно разбитый цветник.
В своем кабинете дородный
и статный сидит временщик.
В расшитом камзоле, при шпаге,
в андреевском ордене он.
Придворный, принесший бумаги,
отвесил глубокий поклон, —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.